

ПИСАТЕЛЬ И ВРЕМЯ

Может быть, мой вопрос покажется наивным, но когда я читаю, что тот или иной уважаемый литератор оставляет письменный стол, бросает свое главное дело и отправляется на завод или в село, то, извините, не могу разделить восторженного тона подобных информационных. Всегда хочется спросить: а для чего, собственно говоря, это нужно писателю — ехать куда-то, жить среди будущих героев? Я понимаю, журналисту необходимо вникать в детали практической жизни. А писателю? Не отвлекает ли его жизненная конкретика от раздумий над большими человеческими проблемами?..

ПЕРМЬ
Корреспондент «ЛГ» попросил ответить на это письмо известного грузинского писателя Константи-
на Лордкипанидзе.

В. ГОНЧАРОВ

МНЕ УЖЕ «стукнуло» семьдесят пять — возраст немалый. Сейчас бы сидеть и писать. Главное дело последних лет — роман «Волшебный камень» — постоянно в работе, ждет окончательного завершения. Да и для мемуаров вроде бы уже время наступило. И все же последние мои книги — «Что произошло в Абаше», «Горец вернулся в горы» и «Золотые грозды», составившие своего рода трилогию, — написаны как художественно-документальные повествования. Новелла, очерк, а порой и простой репортаж — так я определяю жанр этих книг.

Все, что отозвалось на них, часто с трудом скрывали свое удивление: как это писатель в такие годы бросает на столе начатую рукопись, срывается с насиженного места и на многие недели отправляется в деревенскую глубинку, в высокогорные районы...

Казалось бы, «жертва»? Но отдача, которую я получил за нее, была настолько велика и радостна, что я счастлив и как писатель, и как человек. Имено в виду не только одобрение коллег и отзывы критики, не только премии, которых удостоились эти книги. Чтобы стало яснее, о чем

оружие! Такое было время, такие люди...

Так вот, встретив меня, совсем еще молодого тогда писателя, Коба сказал: «Гостю мы рады три дня, а на четвертый... Или уезжай, или станешь работать вместе с нами».

Я провел в Земо-Кеди два месяца, там родилась первая моя книга «Новые крестьяне». А урок Кобы Чохели запомнил навсегда.

Жизнь никогда не открывает волшебных врат к сокровенным своим тайнам тому, кто лишь поверхностно знаком с ее «материалом».

Писатель должен приходить на завод или в колхоз, как в собственный дом, где ему досконально известны все заботы и нужды! Нет,

Константин
ЛОРДКИПАНИДЗЕ

ДЕНЬ

ЧЕТВЕРТЫЙ

идет речь, приведу две выписки из почты, которую вызвали эти мои публикации.

«...Горец вернулся в горы... А куда вернулся автор? Самое отрадное вижу я в том, что вы в своем творчестве не возвращались к родной земле... по весьма существенной причине — вы не покидали этого источника, и нему постоянно было обращено ваше писательское вдохновение, пристрастие и любовь».

Эти слова из личного письма ко мне моего давнего друга критика Николая Абалкина уже были опубликованы, так что, надеюсь, мне не зачтется за нескромность, что я их привел здесь.

«Повесть «Золотые грозды» так увлекла нас, что я и моя жена, оба пенсионеры, несмотря на преклонный возраст, решили вернуться в колхоз...» Эти непосредственные, искренние слова написал в редакцию газеты «Коммунисти», где была полностью опубликована моя повесть, житель села Арашенда Гурджаанского района Илья Гилагашвили.

Надо ли говорить, какое счастье для писателя читать это!

Не хочу абсолютизировать свой литературный опыт, объявлять его обязательным для всех. Но ведь известно, как мстит писателю жизнь, когда он отрывается от нее. Именно тогда он, писатель, вынужден бывает заимствовать вдохновение в книгах других литераторов. Именно тогда его произведения заселяют многоречивые, но пассивные, ни на что не способные персонажи.

...В далеком 1927 году по путевке ЦК комсомола Грузии я поехал в Земо-Кеди, чтобы написать для газеты «Коммунисти» очерк о первой сельскохозяйственной и коммунале, созданной там. Возглавлял ее Коба Чохели, удивительный человек, который до революции был и батраком, и проводником через горные перевалы. С первых дней гражданской войны он стал красным конником. А вернувшись в родное село, объединил в коммуну 17 своих единомышленников, таких же бедняков, как он сам.

Многое из их тогдашней жизни сейчас может показаться удивительным и наивным. Например, коммунары не могли жениться на коммунарях — они считались как бы близкими родственниками. Когда для покупки трактора не хватало денег, Коба и его друзья продали самое дорогое для горцев достояние — фамильное

не производственные детали (хотя и это знание не помешает), но прежде всего атмосфера жизни людей данной профессии.

Теперь чуть ли не модным стало говорить о «литературе факта», «литературе документа». Однако такая литература родилась не вчера. Из факта, из хроники появились «Воскресение», «Преступление и наказание», к документальным жанрам относятся «Путешествие в Арзрум» Пушкина и «Записки проезжего» Ильи Чавчавадзе. И разве кому-нибудь могло прийти в голову, что эти великие писатели в чем-то ограничивали себя, тратили время не на главное?!

«Уважение к факту стало обязательным условием писательской честности», — писал критик В. Огнев в своей книге «Свидетельства». — В то же время опора на факты помогла искусству войти в глубь предмета исследования, научила его искать поддержки в смежных областях — социологии, статистике, политике, философии, этике, науке вообще».

С этим приходится сталкиваться постоянно. Когда я писал книгу о жизни крестьян Абашского района, о сущности проведенного там эксперимента по управлению производством и оплате труда колхозников, я не имел права ограничиться только впечатлениями и эмоциями, пришлось прибегнуть к свидетельствам экономической науки, статистики, социологии.

В журналах или газетах нередко встречается фраза: такие-то рассказы или повесть «посвящены простому человеку». Не думаю, что в данном случае слово «простой» употребляется к месту, отражает сущность того, о ком идет речь.

Услышав о «простом» человеке, я всякий раз вспоминаю одного животновода из Аджарии, который в совершенстве овладел всеми секретами своего ремесла. С какой гордостью и радостью рассказывал он мне о своей работе!

Есть у настоящей литературы непреложный закон: писатель должен жить одной жизнью со своими героями, не быть у них заезжим гостем. В результате краткосрочных визитов на завод или в село, путем опросов и анкетирования будущих героев большая литература не рождается.

Не могу не высказать здесь упрек себе и своим коллегам: как часто мы не успеваем за развитием реальной жизни, как смешно и наивно выглядят порой конфлик-

ты, которые мы описываем в своих произведениях, по сравнению с тем, что происходит сегодня в действительности. За ними не разглядеть больших социальных, психологических и нравственных процессов наших дней, они затрагивают зачастую лишь поверхностный пласт.

Говоря о том, что неразрывная связь с родной почвой необходима для писателя, я отнюдь не имею в виду только деревню. Тем не менее каждый, кто знаком с прошлым и настоящим Грузии, должен знать и то, что у нас исторически сложились особые, специфические отношения между городом и деревней, более прочные, чем в иных местах. Поэтому и кажутся мне беспредметными раздающиеся порой призывы, что пора, мол, грузинской литературе выбраться из узких сельских проселков на широкий магистральный путь.

Но есть у этого вопроса и другая сторона. Если бы кто-нибудь взял на себя труд собрать все хорошие романы и повести, рассказы и поэмы, созданные в нашей литературе за последние восемь—десять лет, и на их основе составить карту труда и жизни грузинского народа, картина, пожалуй, окажется неполной или, во всяком случае, несколько односторонней. На ней не найдут полноценного отражения те значительнейшие перемены и искания, без которых невозможно представить Советскую Грузию последнего десятилетия. Больше того, на этой карте трудно будет найти воссозданный во всей полноте, сложности и многообразии образ героя, составляющего главную движущую силу нашего общества. Я говорю о полномочном положительном образе представителя нашего рабочего класса.

Конечно, сказать, что таких героев в грузинской литературе нет вообще, было бы несправедливо. Достаточно вспомнить романы «Рустави» А. Белашвили, «Новый горизонт» Л. Авалиани, «Седьмое небо» Г. Панджикидзе, «Листья папоротника» Р. Кобидзе или поэму «Русское сердце» Х. Берулавы...

И все же читатели вправе требовать, чтобы в нашей литературе появились такие новые герои, какими являются в жизни молодая ткачиха Мзия Аратанашвили, почину которой последовали сотни и тысячи ее сверстниц, химик Елена Коцишавили или токарь Зураб Саралидзе.

Мне кажется, здесь надо назвать две основные причины недостатка таких героев в литературе: отсутствие большой литературной традиции — следствие все тех же утверждений, будто Грузия — страна исконно деревенская, и сила инерции, по которой иные писатели продолжают сохранять представление о таком нашем рабочем, каким он был на заре индустриализации, тогда как сегодня он по уровню знаний, сложности выполняемой им работы, наконец, по внешнему виду и одежде не отличается от представителей интеллигенции.

Не знаю, сумел ли я ответить на вопрос письма, сумел ли объяснить, почему для писателя всегда было, есть и будет главным жить одной жизнью со своим народом. И это не просто лозунг. Где бы человек ни жил и чем бы ни занимался, если он полагает, что кто-то за него сделает его дело, что без него возрастет хлеб в поле, возведут дом или напишут книгу, которую должен написать именно он, и никто другой, — он глубоко заблуждается в главном, что есть в жизни.

— Гостю мы три дня рады, — говорил старый, мудрый Коба Чохели. — А на четвертый... Без тебя на этой земле ничего не делается — ты на ней живешь!

Запись
Э. ЕЛИГУЛАШВИЛИ
ТБИЛИСИ